

*Елена Евгеньевна ЕРМАКОВА —
аспирантка кафедры русской
литературы филологического
факультета*

УДК 821.161.1.09

**СТИХОТВОРЕНИЕ И. А. БУНИНА
«ПОСЛЕ МЕССИНСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ»:
ДИАЛОГ С ЭПОХОЙ**

АННОТАЦИЯ. В статье представлен целостный анализ стихотворения И. А. Бунина «После Мессинского землетрясения» (1909 г.) на фоне всего творчества, главным образом поэтического, как выражение философии «Все-Единства» и в контексте эпохи как диалог-полемика с ее ключевыми фигурами — Блоком и Горьким.

The author suggests an integrated analysis of I. A. Bunin's poem «Messina Earthquake Aftermath» (1909) in the context of all works, produced by the writer, as well as in the context of his philosophical outlook and his polemics with A. Block and M. Gorkiy.

У Бунина есть ряд стихотворений, написанных по впечатлениям путешествий по Италии, которых было несколько, самое продолжительное и охватывающее множество точек на карте «сапожка» — в 1909 г. (март-апрель). На карте же бунинской «итальянской» поэзии навеки остались Сиракузы и Везувий, Сицилия и Венеция, Калабрия и Капри, Адрия и Аппенины, Рим и Помпея, Неаполь и... И одно миниатюрное, в две строфы, стихотворение «После Мессинского землетрясения» с точной датой 15 апреля 1909 г. Здесь следует остановиться и дать небольшую историческую справку об этом событии. 15 (28) декабря 1908 г. в Сицилии и Калабрии произошло землетрясение, приведшее всех в шок. Общее число жертв оценивалось в 100 тысяч человек. Почти полностью были разрушены города Мессина и Реджио-Калабрия, близкие к эпицентру землетрясения, пострадали также окрестные селения. Большое количество жертв объяснялось тем, что стихийное бедствие обрушилось на спящих людей в 5.20 утра [1].

В «Дневниках», не претендующих, впрочем, на хронологическую дотошность, Бунин не оставил воспоминаний о поездке 1909 г. в Италию (они — в его творчестве, в стихах и рассказах, среди которых выделяется «Господин из Сан-Франциско»). Зато в «Беседах с памятью» Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, сопровождавшей Бунина в путешествиях, интересующие нас сведения имеются. Мы узнаем, что они два раза побывали на Сицилии и в районе Мессины. В первый раз — 20-28 марта, о чем Вера Николаевна оставила запись: «Несколько дней мы осматривали столицу Сицилии, смотрящую на север, в бухте которой никогда не отражаются ни солнце, ни месяц... Из Палермо мы отправились в Сиракузы... Оттуда поехали в Мессину, где испытали настоящий ужас от того, что сделало землетрясение. Особенно поразила уцелевшая стена с портретами, — какой-то домашний уют среди щебня» [2]. На обратном пути, из Италии в Россию, Бунин и Вера Николаевна еще раз посещают Мессину (после 10 апреля). Мемуаристка отмечает: «...после вторичного посещения Мессины у нас осталось опять тяжелое впечатление не только от общей картины, а еще и от того, что на ее окраине, среди развалин, мы увидели высокую широкоплечую худую старуху. Она стояла и, воздев к небу руки и угрожая кому-то сжатыми кулаками, громко проклинала... Это продолжалось долго. Когда мы возвращались на пароход, она все еще что-то выкрикивала» [3].

Землетрясение в Мессине, одно из первых столь разрушительных стихийных бедствий в новом, XX в., поразило воображение многих, в том числе и в России. Особенно в России.

*Пожары дымные заката
 (Пророчества о нашем дне),
 Кометы грозной и хвостатой
 Ужасный призрак в вышине,
 Безжалостный конец Мессины
 (Стихийных сил не превозмочь),
 И неустанный рев машины,
 Кующий гибель день и ночь,
 Созданье страшное обмана
 Всех прежних малых дум и вер,
 И первый взлет аэроплана
 В пустыню неизвестных сфер...[4]*

Так в поэме «Возмездие» (задумана в 1910 г., набросана в главных чертах в 1911 г.) Александр Блок «вписывает» Мессину в контекст других апокалипсических событий начала XX в., сулящего

*Неслыханные перемены,
 Невиданные мятежи...[5]*

А первая его реакция на землетрясение, унесшее жизни тысяч людей, оставившее тех, кто не погиб, без дома и без ума («бездомный» и «безумный» век — это тоже «Возмездие»), — статья «Стихия и культура» (декабрь 1908 г., частично опубликована 6 января 1909 г. в «Нашей газете»). События в Мессине были восприняты Блоком в мистическом плане — как «месть стихийная и земная» [6], как месть природы Цивилизации (интеллигенции), как катастрофа-пророчество, поднимающая другую «стихию» — Культуру (народ). Развивает Блок свои мысли в статье «Горький о Мессине» (октябрь 1909 г.), явившейся реакцией на книгу М. Горького и В. Мейера «Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г.» (Изд-во «Знание», 1909 г.). Он отмечал в ней: «Что бы ни говорили, как бы ни локализовали его значение (землетрясения. — Е. Е.) — оно изменило нашу жизнь. Как изменило, определить мы не можем, но невозможно не верить, что оно отозвалось и еще отзовется на событиях нашей внешней, а особенно внутренней жизни. Просто нужно быть слепым духовно, незаинтересованным в жизни космоса и нечувствительным к ежедневному трепету хаоса, чтобы полагать, будто формирование земли идет независимо и своим чередом, никак не влияя на образование души человека и человеческого быта» [7]. Логика мыслей и образов Блока ведет, наконец, к послереволюционным «Скифам» (1918 г.), где поэт упоминает об аде Мессины как предзнаменовании «слепой» европейской нации о ее гибели:

*Века, века ваш старый горн ковал
 И заглушал грома лавины,
 И дикой сказкой был для вас провал
 И Лиссабона, и Мессины [8].*

А. М. Горький во время землетрясения в Мессине жил с семьей на Капри, и его очерк «Землетрясение в Калабрии и Сицилии» (данные см. выше) явился заметками человека, близко знакомого с горем людей. Писатель организовал помощь пострадавшим от стихийного бедствия, одним из вкладов в которую был доход от книги по поводу землетрясения (написана в январе 1909 г., вышла — по вине издательства — в сентябре). Эта книга не только точное, живое описание глазами очевидцев последствий землетрясения, но и мысли Горького — о небывалом единении людей, забывших о «социальных пропастях, глубоко вырытых между ними исторической необходимостью» [9], о социальном строе, который «есть медленная и грандиозная катастрофа» [10] и который «грабит, искажает душу человека, делаю его уродом и духовно нищим» [11], и о великом призыве к «равенству, справедливости и любви» [12].

Итак, если у Блока Мессина стала одним из мистических символов-предзнаменований возмездия, проходящем через ключевые публицистические и поэтические произведения, у Горького она прозвучала в политизированном очерке (скорее «локальном»), то Бунин посвятил этому событию одно небольшое стихотворение. Возможно, Бунин читал статью Блока «Стихия и культура». Скорее всего, с мыслями Горького он был знаком, так как во время путешествия по Италии некоторое время гостил на Капри. Вера Николаевна вспоминала: «Много говорили мы и о Мессинском землетрясении» [13]. А мы уже знаем, что и Блок, и Горький придавали этой катастрофе значение переломное, всемирное, и локальное, но у обоих — изменяющего душу, сердце человека. Этот контекст позволяет нам рассматривать стихотворение «После Мессинского землетрясения» как «программное», важное для понимания всего творчества Бунина. И мы читаем:

На темном рейде струнный лад,

Огни и песни в Катанее...

В дни скорби любим мы нежнее,

Канцоны радостней звучат.

И величаво — одинок

На звездном небе конус Этны,

Где тает бледный, чуть заметный,

Чуть розовеющий венок [14].

Отметим, что описывает Бунин не город Мессину (точнее, то, что от него осталось, как с фактографической точностью воспроизведено у Веры Николаевны), а пространство, расположенное южнее, на острове Сицилия — город-порт Катанею (совр. Катания) и вулкан Этну вблизи него. Всего две строфы в стихотворении — и вместе с тем ощущение целостности нарисованной картины, вмесившей в себя и медитацию лирического героя (первая строфа), и изображение природы (вторая строфа). Нас интересует, как связаны между собой эти строфы, какие чувства и мысли вызвало у Бунина землетрясение в Мессине, что случилось с человеком и миром после катастрофы? С нашей точки зрения, именно это — «после» — и хотел акцентировать Бунин, сменив заглавие, ведь при первой публикации стихотворение называлось «В Мессинском заливе» (заглавие нейтрально, описательно, а не аналитично, как последующее) [15].

Если «живые» впечатления — «ужас», то «художественные», переосмысленные поэтом, вызывают чувство красоты, гармонии. В первой строфе лирический герой слышит музыку — «струнный лад», раздающийся с рейда, и «песни» («канцоны»), звучащие в портовом городе Катанею. И его медитация, строящаяся как антиномия, оксюморон:

В дни скорби любим мы нежнее,

Канцоны сладостней звучат.

Смерть, скорбь усиливают чувство жизни, радости любви и наслаждение чувствами. В дни трагедии все еще более прекрасно, ибо начинаешь понимать хрупкость окружающего мира, его смертность. Если бы не было смерти, мир не был бы столь прекрасен, — к такому выводу подводят эти строчки. Под знаком смерти чувства человека усиливаются: любовь становится нежнее, канцоны — сладостней по сравнению с тем, что было до трагедии. С помощью оксюморонности этих строк создается та целостность, о которой мы говорили выше. Этот же феномен — «целостность образа» — отмечает Л. А. Колобаева, называя его (вслед за исследователем творчества Пушкина С. Н. Бройтманом) «законом одновременности». Суть его в следующем: «...образная мысль поэта в пределах одного лирического мгновения способна пробежать от края до края, от прошлого к настоящему, от жизни к смерти, от горя к радости, выражая неявным параллелизмом образов и возникающим отсюда «лексическим взрывом» впечатление всеобъемлющей целостности образа» [16].

И эта «целостность образа» — черта и прозы, и поэзии Бунина, это связывает стихотворение, рассматриваемое нами, со многими другими его творениями. Под знаком смерти/жизни острее, проникновенней и природа: от ужаса смерти она еще прекраснее, «жизненнее». Обостренной становится «художническое» видение мира, природы:

*И величаво-одинок
На звездном небе конус Этны,
Где тает бледный, чуть заметный,
Чуть розовеющий венок.*

Отметим, что связь строф передается и общим их ритмом (4-стопный ямб с усеченными 2-ми и 3-ми стихами), и общностью рифмы (кольцевая и параллельная: авва), и синтаксическими средствами (союз «и» в начале второй строфы, связывающий медитацию и «живопись»).

Интересно, что Блок в «Стихии и культуре» писал: «Вульгарные слова газетных телеграмм приобретают силу древних итальянских хроник; а из Этны вырываются столбы желтого дыма. Сицилия продолжает содрогаться, и нам не усмирить ее дрожь» [17]. Что же мы видим на «картинке» у Бунина? Отдаленная вершина Этны, представшая перед лирическим героем в виде конуса. Вообще Бунин любил в своих стихах придавать предметам ту или иную форму. В стихотворении «Жасмин» сходно описан Казбек:

*Вдали, меж гор — простой, блестящий
И четкий конус серебра. (С. 138)*

В последних двух стихах перед нами — метафора-загадка «венок», не находящая в тексте своего «прообраза». Обратимся за помощью к словарю.

Прямое, первичное значение слова «венок» — «сплетенные в виде кольца цветы, листья, ветки, используемые обычно как украшение» [18]. Переносного значения, уместного в контексте стихотворения, мы не нашли. Обращаемся к семантически близкому «венец», одно из значений которого — «верхняя часть, вершина гор, строения и т. п.» [19]. У Бунина много стихотворений, где горная вершина представлена в виде венца, например, так описывается Эльбрус:

*Туман, взползающий на скаты,
Вершин не в силах достичь:
Одним небесным Иазатам
К венцу земли доступен путь. (С. 156)*

Однако, если подразумевать под венком вершину горы, все становится бессмысленным. Скорее под этим образом Бунин подразумевает облака, окружившие «конус Этны» кольцом, «украсившие» его «цветами». И вот этот венок (облака) дан в переходном состоянии, при неярко освещении заходящего солнца (скорее всего, в стихотворении изображена вечерняя заря, об этом — и «темный рейд», и огни в Катанее, и «звездное небо»), время отдыха после рабочего дня, когда матросы, рыбаки, жители города выводят «струнный лад» и поют канцоны перед сном... Окружающие же Этну облака даны в миг своего таяния, они приобретают цветопись заката: бледный, розовеющий. Момент угасания красок дня передается и с помощью наречия «чуть» (едва, еле), выделяющегося в строфе двойным употреблением. Бунин в стихах вообще любит описывать заход или восход солнца, вечернюю или утреннюю зарю, и часто делает это с помощью розового цвета:

*Роса, при бледно-розовом огне
Далекого востока, золотится.
В степи сидит пустышка на копне.
В степи рассвет. В степи роса дымится. (С. 290)*

...А ныне — штиль; закат и чист и тих.

*Одни стрижи, — как только над горою
Начнет гранит вершины розовесть, —*

*Скользят в пролетах башни и порою
Чуть слышно будят медь. (С. 201)*

Итак, мы обнаружили, что вторая строфа – это и цельная картина, связанная по смыслу с первой строфой, и переключка со многими другими стихотворениями Бунина, описывающими вершины гор, неяркие тона захода или восхода солнца, облака... От одного стихотворения тянутся нити к другим стихам, от «итальянского» пейзажа – к пейзажам других стран, что объединяет природу всех точек на карте мира в одно «Все — Единое» (термин Бунина), в целый и цельный мир, подчеркивая родство всего мира через взгляд-луч художника, преломленного смертью, а значит, жизнью. И от этого «итальянского» стихотворения перебрасывается мостик к другому «итальянскому» стихотворению «Помпея» (1916 г.), где картина разрушения навеивает такие мысли:

*Была весна. Как мед в незримых сотах,
Я в сердце жадно, радостно копил
Избыток сил – и только жизнь любил. (С. 339)*

Стихотворение «После Мессинского землетрясения» – одна из реплик в споредialoge Бунина со своим временем. Но в чем-то и он был сыном своего века, ибо и он мог бы согласиться со словами Блока в финале «Стихии и культуры»: «А истинная ценность жизни и смерти определяется только тогда, когда дело доходит до жизни и смерти» [20]. Но Блок заканчивает так: «Нам до того и до другого далеко» [21]. Бунин возражает...

ЛИТЕРАТУРА

1. Хроника человечества / Сост. Бодо Харенберг. М.: Большая энциклопедия, 1996. С. 837.
2. Муромцева — Бунин В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. С. 438.
3. Там же. С. 444.
4. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М.: Художественная литература, 1968. С. 595.
5. Там же. С. 596.
6. Блок А. А. Стихия и культура // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М. -Л.: Художественная литература, 1962. Т. 5. С. 359.
7. Блок А. А. Горький о Мессине // Там же. С. 380-381.
8. Блок А. А. Стихотворения. Поэмы. Театр. С. 644.
9. Горький М. Землетрясение в Калабрии и Сицилии // Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 11. С. 289.
10. Там же. С. 290.
11. Там же.
12. Там же.
13. Муромцева-Бунин В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 434.
14. Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Художественная литература, 1987–1988. Т. 1. С. 242. В дальнейшем стихотворения цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте.
15. Бабореко А. Комментарии // Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 609.
16. Колобаева Л. А. Тайна пушкинской «легкости» в прозе И. А. Бунина // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 3. С. 88
17. Блок А. А. Стихия и культура. С. 355.
18. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Русский язык. Т. 2. М.: 1991. С. 101.
19. Там же. С. 99.
20. Блок А. А. Стихия и культура. С. 384.
21. Там же.